

Николай Фоменко:

С женой Майей и дочкой Настей

разными, а цена еще ни о чем не говорит. Понимаете, тест-драйв — не заказная статья. Меня никто не заставляет писать то, что идет вразрез с моими взглядами.

Путин хочет переменить к лучшему, но вряд ли добьется их

— Да-да... В колонке главного редактора вы обмолвились: дескать, не замышляем никаких террористических действий против нашего читателя. Слова о терроризме легли в муть...

— Когда писал, не думал, что выход журнала совпадет с трагедиями, потрясшими Россию все последние недели. Впрочем, тревога висит в воздухе, чтобы стать провинцем в такой ситуации, большого ума не надо.

— Точно, наверное, от увиденного?

— «Точно» — не то слово, происходящее — последняя степень унижения. Моей страны, моей нации, меня лично. Нас унизили те, кто должен отвечать за то, чтобы подобного не было. Терроризм есть

тобы он сделал работу за всех. Так не бывает. Путин — не царь, не самодержец. Как управлять системой, не желаящей тебе подчиняться? У президента положение аховое, он не может разрушить существующие подводные течения, накатанные политические схемы.

— Пусть слезает, даст порулить тому, кто сумеет.

— Да погодите вы! Верю, Путин хочет изменений к лучшему. Способен ли их добиться? Большой вопрос. Скорее нет.

— Кажется, именно это вы, Николай, назвали однажды политической пелерастией?

— На волне эмоций можно сказать и не такое... Когда гибнут люди, трудно держать себя в руках. Страшнее другое: мы превращаемся в нацию некрофилов, приучаемся видеть трупы на экране и на улицах, нас сознательно подсаживают на смерть. Остается уповать на то, что смогу сберечь отдельно взятое государство под названием «моя семья» и с помощью супруги вырашу нормальных, здоровых детей...

А зачем, спрашивается, вообще убирали? Да что Дзержинский? Люди живут, не зная своего рода-племени. Генеалогическое дерево на втором колене заканчивается.

— А вы родные корни глубоко проследить можете?

— До 1442 года. До Иасава Скрыпицина. И про него знаю, и про всех пра-пра-пра-пра... Но обо мне сейчас речь. Достаточно взять любой том Тургенева или Толстого, чтобы уяснить: мы до сих пор ходим по порочному кругу. Нужно его разорвать, а как? Народ разобщен, эту массу очень трудно поднять, она не монолитна. У нас нет великодержавного шовинизма. И слишком много равнодушных, безразличных. Не знаю, какое лихо еще должно произойти, чтобы люди наконец объединились. Только самоуважение способно вызвать ответную адекватную реакцию. Не чванливая крестьянская чопорность, позволяющая плевать себе и другим под ноги, выбрасывать бутылки из окон автомобилей и гадить в подъездах, а умение уважать окружающий мир. Это и есть

— Может, Николай, в вас личная обida сидит? Гоняете на «Porsche», честь любимой Родины защищаете, а она холодна со своим героем...

— Если начинаешь обижаться, что не признают дома, ты либо плохой воспитанник, либо дурак. Не отношу себя ни к первой, ни ко второй категории, хотя, конечно, по-человечески задевает, что у нас по-прежнему предпочитают праздновать победу, а не поражение. Понимаю это. Как и то, что мне не дадут стать первым. Но не потому, что я русский. Там подобное никого не волнует. Надо выходить на трассу и делать, что умеешь. Это главное. Стараясь, делаю. До конца сезона у меня еще гонки в Германии, Эмиратах, Китае... От чего-то, правда, уже отказываюсь, все-таки определенный статус есть. Не поехал сейчас в Японию на трассу «Судзуки», хотя тамошнее правительство Porsche приглашало. Гонка — вне чемпионата, решил побить с семьей. Да и устал.

— На деньги понали?

— Конечно. Автоспорт — основной мой источник дохода. Бизнес, зарабатывание на жизнь. Знаете, почему гонщиков, так сказать, верхнего уровня совсем

мало, вручающим мне часы Омега как гонщику GT, не чувствовал барьера, стены. Все, включая великих чемпионов, ведут себя абсолютно нормально, открыто, дружелюбно. Конечно, каждому нужно знать свое место. У меня в команде четвертый номер, но команда ведь чемпионская, и я внес вклад в общую победу. Понимаю это. Как и то, что мне не дадут стать первым. Но не потому, что я русский. Там подобное никого не волнует. Надо выходить на трассу и делать, что умеешь. Это главное. Стараясь, делаю. До конца сезона у меня еще гонки в Германии, Эмиратах, Китае... От чего-то, правда, уже отказываюсь, все-таки определенный статус есть. Не поехал сейчас в Японию на трассу «Судзуки», хотя тамошнее правительство Porsche приглашало. Гонка — вне чемпионата, решил побить с семьей. Да и устал.

— На деньги понали?

— Конечно. Автоспорт — основной мой источник дохода. Бизнес, зарабатывание на жизнь. Знаете, почему гонщиков, так сказать, верхнего уровня совсем

мало? Люди не находят мотивацию, из-за чего терпят подобные страдания. Это же весьма болезненное и вредное для здоровья занятие — гонки. Перегрузки, большие ускорения, вибрация, приводящая к смешению внутренних органов... За это и платят большие бабки.

— Слышал, за карьеру гонщика вы набили машин на шесть миллионов долларов.

— Делите на два. Миллиона на три, вряд ли больше.

— Тоже цифра приличная.

— В этом нет ничего удивительного. Такой вид спорта.

— А ваш «Porsche» на какую сумму тянет?

— Существует единое правило: изготовление гоночных болидов не должно превышать 650 тысяч долларов. Но самое дорогостоящее дело — технологическая разработка.

— Какую максимальную скорость выжимали на спидометре?

— Ха! У нас нет спидометров...

Наверное, проходил отдельные участки при 360 км в час... Не в скорости дело. Сегодня разбитом Formula-1 смогла бы управлять и

старушка, способная выдержать многократные перегрузки и не потерять сознание. Для езды не нужны особые навыки, автоматика исключает ошибку при переключении передач. Я сидел в «Формульсской» машине 1994 года. Это величайшее сумасшествие! Стандартная коробка, три педали и руль. Все! 850 лошадиных сил, 600 кг веса. Управляется черт знает как. Ощущение, что болид сейчас взлетит. Справиться с этим монстром могли настоящие герои...

— У вас в этом году юбилей. Десять лет, как гонками занялись.

— Точно! Даже не задумывался. Приятно! Меня Влад Листьев подтянул. Ему нужны были узнаваемые лица для команды в гонках на выживание. С этого и пошло...

Сам не могу понять, зачем сыграл великого комбинатора

— Несколько последних лет вашим спонсором является ЮКОС. Из-за этого проблем не возникло?

— Только здесь, в стране. На Западе к делу ЮКОСа относятся, как к политической игре.

— Вы согласны?

— Мне сложно судить, но верю, что все будет в порядке, здравый смысл восторжествует и человеческие амбиции уйдут на задний план... Нам бы заводчиков новых построить да людей научить работать, а мы нефть качаем и недоплаченные налоги выколачиваем... Нет, не хочу об этом говорить! Могли бы уже понять: устал я от бессмысленных фраз. На самом деле Россия плевать хотела на всех — на Запад, на Восток, на Север и на Юг. И это беда... Моя рука — владыка. «Все ли книги прочитаны?» — хочется спросить.

— Что порекомендуете?

— Ничего. И прочитаю — не поймут. Чтение вызывает коррозию в голове, а это для русского человека опасно...

— А сами-то как?

— Я в потрясающем Тургеневе, в «Дворянском гнезде». Когда неспокойно на душе, открываю классиков. Обычно помогает. Вспоминаю хотя бы Чертопанова и Нелюбова из «Записок охотника». «Лови его, лови! Бей!» Смешно и грустно... И эти чувства преследуют нас последние тысячу лет. Вот и всё.

— Нет, Николай, не всё. Вы еще про Остала Бендера не рассказали.

— На разговор об этом уж точно время тратить не стоит. Двухсерийную картину снимали по заказу «Первого канала», где я работаю. Сыграл великого комбинатора, хотя сам не понимаю, зачем. Все давно сказано и сделано моим любимым Сергеем Юрским. Что тут добавишь? Пересказывать краткое содержание тем, кто не читал книгу Ильфа и Петрова? Поэтому по-прежнему и топчусь на одном месте — ты-ты-ты, ты-ты-ты... Не знаю, как вам, а мне напле. Понимаете? На-до-е-ло!

— Но что-то вам в кайф?

— Театр. Хорошее кино. От плохого отказываюсь в девяти случаях из десяти. Сейчас снимаюсь в «Красной воле», играю автогонщика по кличке Порш. Надеюсь, картина получится. Оператором у нас француз Жан-Пьер Совер. Знаете его наверняка. «Такси», «Видок», все клипы Милен Фармер...

— С Агасей часто встречаетесь?

— С кем?

— С вичушкой. Вы же, Николай, в феврале делушкой заделись.

— Виделись пока лишь раз. Наверное, уже большая девочка... Знаю, что здорова, все у нее в порядке. Катя, дочка, человек самостоятельный, строит жизнь по своему разумению, специально даже фамилию поменяла... А из меня сейчас какой дед? С двумя-то маленькими детьми... Пусть подрастут не мною. Лишь бы не было войны...

■ Андрей Ванденко.

Я утробил машин миллион на три, не больше

езде, но, к примеру, Олимпиада в Афинах прошла без экзотических. Никто не волнуется, сколько усилий и средств на это затрачено. На то и спецслужбы, чтобы не подпустить беду. А у нас ЧП не останавливает. Есть люди, которые строят бизнес на наших жидких, мы их знаем, но поделять ничего не можем...

— Капитуляция?

— Нет, но какой смысл понапрасну спорить? Прекраснодушными разговорами и благими призывами к единению ситуацию не изменишь. Да, я русский человек, да, патриот, да, готов ради Родины на многое, но не на итру в подлажки. Америка не стесняется погонять

— Находясь здесь?

— А где же еще? Из шести лет жизни последние четыре года Настя вполне профессионально занимается фигурным катанием, тренируется в ЦСКА, работает очень много, с одним выходным днем. Оторвать дочку от этого мы уже не можем. Ваня пока маленький, ему два годика, но скоро и его займем каким-нибудь интересным делом... Голы илут, дети растут, а мы с Майей, увы, моложе не становимся. С возрастом труднее решиться на радикальные перемены, эмиграция возможна лишь в случае криминального развития ситуации дома. Или тяжелой вой-

— Тяжело, прожитых на Западе, вас крепко переквали?

— Нет, абсолютно. Прекрасно вижу: в каждой избушке свои премудрости. Раздражает другое: за рубежом соотечественники стоят друг за друга горой, а у нас и этого нет. Мы не вместе. На днях смотрел по телевизору повтор легендарных хоккейных матчей 1972 года СССР — Канада. Это была команда! Те парни выросли на рассказах отцов о Победе в Великой Отечественной. И сами прониклись чемпионским духом. Но это, оказывается, нелегально, быстро вымывается из генной памяти! Сегодняшние российские руководители олимпийского движения, отставшие в развитии на десятки лет, твердят, словно заклинание: «Мы доказали на спортивных аренах...» Никому и ничего они не доказали, а банально растрастили сумасшедшие бабки, которые дало государство. Итоги следующей Олимпиады могут быть еще печальнее для России... Поэтому тем, кто выиграл для нас золото в Афинах, надо памятники ставить. А мы половину чемпионов по имени не знаем. При этом это тычем пальцем в Хоркину и Кабаеву: мол, и в рекламе они, и на обложках журналов. Занялись! Да гордитесь вы, уважайте девочек, которые здоровые положил, чтобы славу стране принести! Не способны! Серость человеческая, местечковая чопорность мешают. В таких случаях всегда говорю: нелегко крестьянину в городе...

Эмиграция возможна лишь в случае криминального развития ситуации дома. Тогда надо все продавать, все забывая и уезжать с концами.

цельный флот к берегам какой-нибудь несчастной африканской страны, имевшей глупость взять в заложники пару янки. Посмотрите, как сплотились французы из-за двух задержанных в Ираке журналистов. А у нас бывший министр внутренних дел клялся жизнью, что волос не упадет с головы его лучшего друга, пропавшего в Чечне. Пустые слова! Друга боевики казнили, а министр тот, хоть уже и не министр, вполне здравствует... Все упирается в профессионализм. Рассуждения, что силовикам нужно больше денег и беспредел прекратится — вранье. Сколько ни давай, ничего не изменится. Нет наверху человека, способного ЭТО остановить.

— Один товарищ въехал в Кремль с обещанием замочить гадов в сортире.

— Путину не позавидуешь...

— А зачем нам ему завидовать? Он получил, что хотел. Под ним целая страна. Распорядись властью с умом!

— Нельзя требовать от одного,

Фото Александра Антонова